
РУССКАЯ КУЛЬТУРА В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ: ПОЛИТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

В.И. Мозговой

Донецкий национальный технический университет
ул. Артема, 58, Донецк, Украина, 83000

Статья анализирует последствия оценки политиками русско-украинского языкового пространства в условиях взаимодействия двух культур. На основе определения их реального статуса предлагается методика сохранения русской культуры средствами украинского языка.

Ключевые слова: языковая политика, национальный язык, государственный язык.

Одним из противоречий современной украинской политики является миф о существовании «элитного» украинского языка, который якобы «засорен» русским языком и поэтому нуждается в обязательном реформировании. Этот миф тиражируется средствами массовой информации, а затем трансформируется в указы о пересмотре норм орфографии или о переименованиях, связанных с политической оценкой исторических событий (последний из них подписан В. Ющенко в феврале 2010 г.).

Вот как, например, оценивают национально-языковую ситуацию некие Г.И. Артемчук и В.Н. Василенко: «Всім відомо, що сутність України проявляється через українську мову. Це одна з тих основ, на яких будується Україна; українська мова — одна з ознак її ідентичності. Проте Україна, як відомо, у складі як Російської імперії, так і Радянського Союзу не мала ні політичної, ні кадрової, ні будь-якої іншої незалежності й ніяк не могла за власним розсудом вирішувати свої внутрішні й зовнішні справи. Економічні, освітні, культурні, конфесійні та інші питання суспільного життя України до найменших дрібниць визначалися й регламентувалися Москвою... Проте... спостерігаються спроби законодавчо закріпити колоніальне становище українців в Україні, надавши російській мові ще й статусу офіційної, тобто державної» [1. С. 12—13]. Трудно сказать, чего тут больше: политики или культуры, профессионализма или демагогии...

Борьба с русской культурой, которая якобы изменила истинно украинский смысл, достигает размеров, за которыми украинская культура превращается в непонятный для славянского и мирового сообщества ребус.

Попытки такого кодирования были предприняты М. Жулинским [3. С. 482—484] в «Проекті найновішої редакції українського правопису» (1999 г.), который пытался изменить фонетику (*діяспора, иржа, Атени, б'юджет* — совр. *діаспора, іржа, Афіни, бюджет*), грамматику (*крови, совісти, метра* — совр. *крові, совісті, метро*), лексику (*гусак* — *ганс, повія* — *гор*) и т.п.

Конечно, проблема сохранения национальной культуры является едва ли не главным показателем жизнеспособности народа и всей современной цивилизации, испытывающей мощный пресс глобализационных процессов. Однако почти гамлетовские вопросы «сохранять или не сохранять?», как, впрочем, и «защищать

или не защищать?» — это, вообще говоря, императивы культуры и интеллигентности самих авторов.

Нация сильна восприятием любой культуры, попадающей в ее орбиту, тем более в орбиту межнационального диалога родственных языков. Поэтому постановка вопроса о защите культуры от культуры абсурдна. Скорее любую культуру следует защищать от антикультуры, которая пытается превратить национальный язык с многообразием языковых и культурных вариантов в изолированный от внутренних и внешних влияний код с парадоксами давно забытых и не используемых в современной практике «чисто украинских» фонетических, грамматических и лексических норм.

Другой вопрос, какими способами сохранять русскую культуру, сосуществующую в рамках общенациональной и ставшей ее органической частью. Любое административное давление в этом случае — это обратная сторона воинствующего дилетантизма псевдопатриотов украинского языка, о которых говорилось выше. Истоки методологических подходов к ее сохранению следует искать не во внешних факторах, а в собственном национальном языке и в реальной оценке языковой ситуации, дающей возможность точно определить статус украинского, русского и других языков, функционирующих в Украине.

На первый взгляд, для этого достаточно обратиться к Конституции Украины. Там читаем, что украинский язык является государственным, а русский относится к разряду языков национальных меньшинств, как татарский, греческий, румынский и т.п., которому гарантируется соответствующая защита [2. С. 5—6]. Но тогда вполне логичными будут действия, направленные на закрытие русских школ (мы же не открываем, например, греческие школы по всей Украине?!), изучение русской литературы в рамках зарубежной на украинском языке (мы же не изучаем греческую литературу на греческом языке?!), а русского языка как иностранного с соответствующими акцентами на аудировании, говорении, чтении и письме. Естественно при этом, что украинский язык необходимо изучать как безусловно родной, на котором общаются все жители Украины. Вполне закономерными выглядят в этом случае и заявления политиков об украинизации средств массовой информации. Абсурдное дублирование фильмов и телепередач, уродующее украинский язык и искажающее смысл художественного пространства, выдается за обеспечение прав большинства, не владеющего языками национальных меньшинств, а значит, и русским языком. Употребления типа *автівка* (русск. *автомобиль*), *будемо* (русск. *будем*), *Еспанія* (русск. *Испания*), *кафедра* (русск. *кафедра*), *мапа* (русск. *карта*), *міліціант* (русск. *милиционер*), *перемовини* (русск. *переговоры*), *юнка* (русск. *девушка*), *виша* (русск. *вуз*) и подобные им уже не воспринимаются как таковые и становятся «художественной и публицистической нормой», разрушающей литературный украинский язык.

Неадекватное восприятие языков переворачивает методику их изучения с ног на голову, искажает как русское, так и украинское культурное пространство, нанося вред не только национальному образованию, но и межнациональному диалогу, пораженному коррозией непонимания и внешней конфликтности. Не меньший

вред наносит и другая часть политической элиты, которая «борется» за отстаивание прав русскоязычного населения, стремясь статуйровать русский язык как государственный, официальный или региональный.

Оба языка становятся либо равнозначными (если понятия «государственный» и «официальный» выступают как синонимы), либо сфера употребления русского языка сужается до уровня пограничных с Россией областей (если его объявляют региональным). Статус русского языка становится размытым, что во многих случаях не только обедняет и ограничивает территориальную сферу его употребления, но и приводит к внутринациональным конфликтам.

Таким образом, ни официальные документы, ни практика борьбы государственных, партийных и общественных организаций за языковые права большинства и меньшинства не выдерживают критики, ибо выступают катализатором внутренних и межгосударственных противоречий. На повестку дня со всей очевидностью встает вопрос о научном подходе к определению статусу языков в Украине, которые предполагают ссылки на Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств лишь для заимствования опыта бесконфликтного решения социальных проблем в многонациональном и полиязыковом государстве, а не для перенесения соответствующих европейских формулировок на украинскую почву.

Родной язык — это язык, на котором человек мыслит и который во всем своем многообразии является тем не менее проявлением единого национального языка. Таким образом, **национальный язык** есть средство общности нации, выражение ее философии и психологии, которые могут реализовываться в различных культурно-языковых формах (одном или нескольких государственных языках, языках национальностей, разноязыковой литературе, диалектах, жаргонах, фольклоре, живописи, музыке, архитектуре и т.п.), отображающих общенациональное мышление и мировосприятие.

Сохранение и развитие национального языка как гаранта целостности нации регулируется языковой политикой, фиксирующей в законах объективную языковую ситуацию, возникшую в конкретном обществе, и сформулированной на основе статуйрования государственного, официального языка и языков национальностей.

Государственный язык — это язык, представляющий единую национально-государственную общность, на котором может общаться большинство населения независимо от национальности или территории проживания. Высшим его проявлением является **официальный язык**, юридически закрепленный для правовых отношений внутри государства и официально представляющий его на международном уровне. В стране с несколькими государственными языками статус официального может иметь только один язык.

Языки национальных меньшинств (иначе **языки национальностей**, поскольку термин «нацмен» оскорбителен и предполагает существование «титულიной нации») — это языки компактного проживания определенных национальностей на ограниченной территории и входящие в национально-государственную языковую общность (национальный язык), используемые для локального общения наряду с государственным языком.

За пределами национального языка находятся региональные и нетерриториальные языки, так или иначе используемые в качестве общения на территории государства или его части.

Региональные языки — это языки, не входящие в национально-государственную языковую общность (национальный язык), на котором может общаться население определенной территории (как правило пограничной) независимо от национальной принадлежности.

Нетерриториальные языки — это языки общения мигрантов и иностранные языки, используемые узкой группой специалистов, не имеющие четко очерченной территории и не входящие в национально-государственную языковую общность (национальный язык).

Если подобные определения распространить на территорию Украины, не акцентируя внимания на административных трактовках статуса языков, задекларированных в официальных документах, можно наконец устранить субъективный вектор национально-языковой политики и вернуть языку его социальную направленность и способность к консолидации нации. В этом случае станет ясным, что языками, которыми так или иначе владеют все, являются как украинский, так и русский — они государственные де-факто. При этом украинский является государственным официальным, а русский — государственным, который вместе с тем не может быть статутирован как язык национальности (таким термином могут оперировать греческая, болгарская, татарская и т.п. языковые культуры), иначе его употребление не имеет смысла — в Украине нет территорий компактного проживания русских. Однако он не может претендовать и на статус официального — представлять Украину на международном официальном уровне может только украинский язык.

Исходя из этого и украинский, и русский язык обязаны изучать во всех школах Украины, а в высшей школе — профессиональный украинский язык как представляющий деловую и юридическую сферу официальных институтов [4]. Кроме того, в местах компактного проживания определенных национальностей для сохранения их культур и обеспечения целостности и развития украинской нации по решению органов местного самоуправления возможно изучение их родных языков и открытие национальных школ.

Изменение методологических подходов к сохранению русской культуры как органической части общеукраинского культурного пространства влечет за собой пересмотр методических приемов к изучению украинского языка, что неизменно налагает свой отпечаток на подготовку учебных пособий и переводных словарей в Украине [7; 8]. Они должны учитывать взаимовлияние двух государственных языков, что позволит ощущать пульс взаимопроникновения культур, понять причины формирования языковых норм и избежать тревожных тенденций к развитию и функционированию как русского, так и украинского языков.

Игнорирование реального статуса языков приводит к возникновению культурно-языковых и социальных проблем. Так, в существующей практике русский язык предлагается изучать как иностранный, а украинский как безусловно родной,

на котором все говорят с детства. В результате не только молодые граждане Украины, но и убеленные сединами государственные мужи, имеющие за плечами солидный опыт контактов с украинской и русской культурой, все больше обнаруживают в своем арсенале примитивный набор правил, фамилий, течений, которые далеки от исторической правды и практики общего мировосприятия. Национально-культурный кризис языков усугубляется лексикографической практикой, которая либо дублирует старые советские нормы [12], либо революционно изменяет их, не сообразуясь с реалиями сегодняшнего дня [13]. Вот почему при пользовании словарями нужно ориентироваться не на «моду», а опираться на их современный статус в Украине. Нельзя, например, считать адекватными нормы передачи имен, рекомендованных в русско-украинских (как и украинско-русских) словарях. В них в лучшем случае фиксируются украинские эквиваленты русских имен, что искажает культурное пространство обеих наций. Авторы не осознают, что *Владимир*, *Елена*, *Николай*, *Михаил*, *Александр*, *Анна*, *Никита* и *Володимир*, *Олена*, *Микола*, *Михайло*, *Олександр*, *Ганна*, *Микита* — разные имена, имеющие разных национально-культурных носителей. Вот почему главным при юридической фиксации имен должны стать принципы адекватной передачи культурной информации: *Владимир* — *Владимир* (укр. эквивалент *Володимир*); *Елена* — *Єлена* (укр. эквивалент *Олена*); *Николай* — *Ніколай* (укр. эквивалент *Микола*); *Михаил* — *Михаїл* (укр. эквивалент *Михайло*); *Александр* — *Александр* (укр. эквивалент *Олександр*); *Анна* — *Анна* (укр. эквивалент *Ганна*); *Никита* — *Нікіта* (укр. эквивалент *Микита*) и т.п. [7; 8; 13].

Это лишь видимая часть айсберга, которая тем не менее уже на сегодняшнем этапе позволяет разрабатывать конкретные методики преподавания и принципы нормирования украино-русских форм национального языка. Однако дальнейшая разработка методологии сохранения русской культуры средствами украинского языка и первые опыты работы над созданием соответствующих учебников [5; 7—11] может обозначить новые горизонты культурной и национально-языковой политики на территории постсоветского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Артемчук Г.И., Василенко В.М.* Дві державні мови в Україні — це відмова від національно-мовного відродження українців // Актуальні проблеми перекладознавства та навчання перекладу в мовному вузі: Тези доп. Міжн. наук.-практичн. конф. — К.: КНЛУ, 2006. — С. 12—18.
- [2] Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996. Ст. 10. — К.: Преса України, 1997.
- [3] *Мозговий В.І.* Духовні і соціальні аспекти національно-мовної політики у контексті сьогодення // Творческое наследие В.И. Вернадского и современность: Сб. тр. Международн. научн. конф. — Донецк : Донбасс, 2001. — С. 483—486.
- [4] *Мозговий В.І.* Форма і сутність методики викладання національної, державної і професійної мов у світлі Болонського процесу // Актуальні проблеми педагогіки: методологія, теорія і практика: Зб. наук. праць. Вип. 3. Ч. 2. — Горлівка: ГДППМ, 2006. — С. 27—36.

- [5] *Мозговий В.І.* Засвоєння чи системна адаптація? До проблеми передачі власних назв іншомовного походження // *Культура народів Причорномор'я*. № 82. Т. 2. — Симферополь: Крым, 2006. — С. 33—35.
- [6] *Мозговий В.І.* Українська мова у професійному спілкуванні. Навчальний посібник. — К.: Центр навчальної літератури, 2006.
- [7] *Мозговий В.І.* Проблеми адекватності перекладу у зв'язку із сучасним статусом мов в Україні // *Вісн. Сумського держуніверситету. Серія «Філологічні науки»*. № 1. Т. 2. — 2007. — С. 135—140.
- [8] *Мозговий В.І.* Російсько-український словник труднощів перекладу в контексті сьогодення // *Вісн. Харк. нац-ного університету ім. В.Н. Каразіна*. № 772. Серія Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. Вип. 51. — 2007. — С. 30—33.
- [9] *Мозговий В.І.* Макропроблеми двомовної мікропонімії. З досвіду роботи над мікропонімією Донецька // *Культура народів Причорномор'я. Научн. ж.* № 142. Т. 2. — 2008. — С. 89—92.
- [10] *Мозговий В.І.* Специфіка фонологічних і фонематичних субституцій у спільному українсько-російському онімному просторі // *Наук. зап.* — Вип. 81 (4). Серія Філологічні науки (мовознавство): У 4 ч. 2009. — С. 185—190.
- [11] *Мозговой В.И.* Универсальность языка и вариативность русско-украинского языкового пространства // *Информационный Вестник Форума русистов Украины*. Вип. 12. — Симферополь: «Арті-ЮК», 2009. — С. 29—37.
- [12] *Новий російсько-український словник-довідник: Близько 65 000 слів / С.Я. Єрмоленко і др.* — К.: Довіра, 1996.
- [13] *Рыкова З.Г., Щегольковская Н.В.* Русско-украинский словарь. — Харьков: Оригинал, 1997.

RUSSIAN CULTURE IN UKRAINIAN LINGUISTIC CONTEXT: POLICY AND REALITY

V.I. Mozgovoy

Donetsk National Technical University
Artema str., 58, Donetsk, Ukraine, 83000

The article analyses consequences of politicians' inadequate evaluation of Russian and Ukrainian linguistic space in conditions of interaction between the two cultures. On base of identifying their real statuses the author offers methods of preserving Russian culture by means of the Ukrainian language.

Key words: linguistic policy, a national language, a state language.